
НИКОЛАЙ ПОДОСОКОРСКИЙ

НЬЮТОН В СВЕТЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ
ИДЕИ РАСКОЛЬНИКОВА
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Исследователи романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) много и подробно писали о теории Родиона Раскольникова, предполагающей жесткое деление всех людей на два разряда: необыкновенных (или *право имеющих* проливать *кровь по совести*) и обыкновенных (*тварей дрожащих* или *расходный материал* для преобразований, затеянных первым разрядом) [Тихомиров, 1992], [Романова, 2024], [Касаткина, 2025]. Наиболее часто в связи с этим писалось об образе и роли Наполеона, поскольку именно он является главным авторитетом и примером для протагониста [Карякин, 1976, стр. 23 — 28], [Кирпотин, 1978, стр. 100 — 110], [Мельник, 1985], [Подосокорский, 2022a], [Меерсон, 2022], [Подосокорский, 2023]. Гораздо меньше работ посвящено Магомету ([Подосокорский, 2007], [Борисова, 2022], [Подосокорский, 2022b], [Борисова, 2024]) и попытке увидеть некое единство среди перечисленных героев деятелей [Подосокорский, 2024]. При этом нам не известно ни одной научной работы, специально исследующей образ и функцию Ньютона в романе¹, хотя весь текст «Преступления и наказания» наполнен разнообразными высказываниями о роли науки в жизни человека и общества и в постижении с ее помощью мира², а сам Ньютон, казалось бы, олицетворяет другой полюс человеческого развития, противоположный наполеоновскому. Совершенно очевидно, что упоминание Раскольниковым сэра Исаака Ньютона (1642 — 1727), этого величайшего ученого Нового времени, никак не может быть в романе случайным и проходным и потому требует глубокого анализа.

Итак, сперва приведем фрагмент, в котором недоучившийся в Петербургском университете студент-юрист вспоминает о Ньюtone. Это происходит во

Подосокорский Николай Николаевич — историк литературы, литературовед. Родился в 1984 году в Новгородской области. Окончил исторический факультет Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ). Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Автор многочисленных научных трудов, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского и русской литературе XIX — XXI веков. Живет в Великом Новгороде. Постоянный автор «Нового мира».

¹ И. Ю. Виницкий писал о Ньюtone в связи с позднейшим романом Достоевского «Братья Карамазовы», полагая, что «космическое место» в видении Ивана Карамазова, в частности, восходит к научно-популярным статьям о ньютоновской механике [Виницкий, 2021, стр. 129 — 135].

² Раскольников, обосновывая свои действия, нередко заявляет, что «возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику...» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 6, стр. 211].

время первой встречи Раскольникова со следователем Порфирием, который неожиданно просит его прояснить содержание статьи «О преступлении», написанной за полгода до того:

По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 6, стр. 199 — 200].

Один из первых критиков романа, Д. И. Писарев, в своей статье «Борьба за жизнь» (1867) попытался указать на абсурдность подобных допущений героя Достоевского, предполагающего, что великие Кеплер и Ньютон вообще способны стать убийцами ради защиты своих открытий:

Представить себе Ньютона или Кеплера в таком положении, в котором они, из любви к идее, обязаны были бы устранить хоть одного живого человека или пролить хоть одну каплю человеческой крови, — еще гораздо труднее, чем представить себе, что Кеплер и Ньютон, состоя в чине необыкновенных людей, пользуются своими исключительными правами для того, чтобы убивать встречных и поперечных или воровать каждый день на базаре. Но Раскольникову до такой степени хочется превратить всех великих людей в уголовных преступников и всех уголовных преступников в великих людей, что он не останавливается даже и перед самым неожиданным предположением. Что Ньютон и Кеплер не сделались уголовными преступниками, что они не стоили человечеству ни одной капли крови и ни одной слезы — это, по мнению Раскольникова, счастливая случайность. Измените условия, при которых они жили и действовали, поставьте их в другое положение, и вот сейчас эти самые Кеплер и Ньютон, оставаясь по-прежнему великими мыслителями и благодетелями человечества, обзаведутся палачами или подкупными убийцами и сделаются страшными кровопроливцами, старшими братьями рядовых бандитов. Этим предположением Раскольников доказывает совсем не то, что он старается доказать. **Этим предположением он доводит самого себя до очевиднейшего абсурда**³ и наносит смертельный удар своей странной теории [Писарев, 2000 — 2013, т. 9, стр. 150].

Более того, по мнению Писарева, «великие деятели науки, по самому роду своих занятий, всего менее могут уклониться от естественного назначения необыкновенных людей и сбиться в сторону на скользкую и опасную дорогу насильственных мер» [Писарев, 2000 — 2013, т. 9, стр. 150]. Однако современники Ньютона, имевшие с ним дело как раз относительно вопроса защиты его открытий, отнюдь не были склонны столь идеализировать *великого деятеля науки*. К примеру, ученый-энциклопедист Уильям Уистон (1667 — 1752), занимавший несколько лет пост помощника Ньютона в Кембриджском университете, так вспоминает о своем старшем коллеге: «Если б он был жив,

³ В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным — автору настоящей статьи.

когда я писал против его хронологии, то я не смел бы напечатать порицание, ибо, зная его характер, я должен был бояться, что он меня убьет» [Фигье, 1869 — 1873, т. 3, стр. 251 — 252]⁴. И хотя слова Уистона, скорее всего, следует воспринимать как сарказм и преувеличение, тем не менее они не позволяют счесть рассуждения Раскольникова о Ньюtone совсем уж полным абсурдом, на чем настаивает Писарев.

Обычно исследователи романа «Преступление и наказание» разделяют названных героем шестерых великих людей на собственно *ученых* или деятелей мировой науки, с одной стороны (пара Кеплер⁵ и Ньютон), и *законодателей и установителей человечества* или деятелей всемирной истории, с другой (Ликург, Солон, Магомет, Наполеон) [Чирков, 1967, стр. 95], хотя, как мы уже писали [Подосокорский, 2024, стр. 164], такое разделение не выглядит оправданным и необходимым, ибо и те, и другие потрясли само представление человечества о том, как устроен мир, указав ему на новые законы социально-политического и естественно-научного характера. Нельзя назвать Ньютона и исключительно *ученым* (пусть и весьма широкой специализации: физиком, математиком, механиком, астрономом и проч.) и свести его упоминание в романе к одному только «научному прогрессу» [Кирпотин, 1978, стр. 109], поскольку он был также поэтом, художником, богословом, государственным деятелем (хранителем Монетного двора), политиком (членом Парламента), даже алхимиком⁶.

Задолго до написания романа Достоевского имя Ньютона в массовом сознании превратилось в синоним великого или гениального человека как такового, причем стоящего не просто в ряду других знаменитых ученых, но именно вместе с именами великих законодателей и установителей человечества вроде Магомета и Наполеона. Характерна в этом отношении помета П. Я. Чаадаева на книге французского философа Ф. Р. де Ламенне: «Моисей — Магомет — Ньютон» [Шереметева, 1998, стр. 57]. Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855 — 1856) пишет о Ньюtone как о человеке одного уровня гениальности с Наполеоном: «Удивительно, подумаешь, как и мне, и вам, и каждому не случается каждый день делать гениальных открытий: ведь, кажется, будь всякий из нас на месте Колумба, или Ньютона, или Наполеона — у каждого достало бы ума догадаться о том, о чем они догадались и за что называют их гениальными людьми?» [Чернышевский, 1939 — 1953, т. 3, стр. 139]. В романе О. де Бальзака «Столетний Старец, или Два Беренгельда» (*Le Centenaire ou les Deux Beringheld*, 1822), одним из действующих лиц которого является император Наполеон, герои говорят о возможностях прославиться, став новым Ньютоном: «*Les sciences, répondait le vieux père de Lunada, offrent un vaste champ où l'on moissonne des lauriers que des malheurs partiels ne souillent jamais. Mon Tullius, voyons! découvre une planète, invente un poème, sois Newton, sois orateur, musicien et ton nom, mon enfant, passera d'âge en âge!...*» [Balzac, 1822, vol. 2, p. 147].

⁴ «S'il eût été vivant quand j'écrivis contre sa chronologie, je n'eusse pas osé publier une réfutation, car, d'après la connaissance que j'avais de ses habitudes, j'aurais dû craindre qu'il me tuât» [Figuier, 1870, p. 14].

⁵ Любимый историк Достоевского Ф. К. Шлоссер так пишет о Кеплере: «Этот ученый, забытый своими соотечественниками, был в следующем веке (т. е. в XVII веке — *Н. П.*) творцом новой астрономии. Он открыл природу небесных тел и законы их движений, впоследствии лишь развитые и обнародованные Ньютоном» [Шлоссер, 1868 — 1877, т. 4, стр. 641]. С Кеплером у Раскольникова тоже есть некоторые биографические пересечения, ибо и тот, и другой нередко узнавали много нового в кабаке. «Детство свое, до двенадцати или тринадцати лет, Кеплер просидел в отцовском кабаке. Разговоры пьяниц, обыкновенно не отличающиеся ни изяществом, ни чистотою речи, были единственными уроками, какими он пользовался в этот важный для воспитания период» [Фигье, 1869 — 1873, т. 3, стр. 2].

⁶ О том, что Кеплер и Ньютон, в числе прочего, были алхимиками, в своей статье, посвященной алхимическому прочтению образа Порфирия Петровича как «красного камня» в «Преступлении и наказании», напоминает Т. А. Касаткина [Касаткина, 2024, стр. 41].

Ньютон, подобно Наполеону, воспринимался некоторыми мыслителями первой половины XIX века как божественный герой, кардинально изменивший человеческую историю. Французский философ Анри Сен-Симон (1760 — 1825), труды которого оказали значительное влияние на петрашевцев и молодого Достоевского⁷, и вовсе ставил фигуру Ньютона в основу нового религиозного культа. В «Письмах женеваского обитателя к современникам» (*Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains*, 1803) он призвал открыть ежегодную денежную подписку перед могилой Ньютона, на которую должны были впоследствии безбедно существовать избранные обществом люди искусства и науки — новые вожди человечества, которым будет предоставлена «полная личная свобода распоряжаться своими силами по своему желанию» [Сен-Симон, 1948, т. 1, стр. 105 — 106]. По мысли Сен-Симона, якобы ставшего свидетелем божественного откровения, собрание из двадцати одного избранника человечества следует назвать «советом Ньютона», который «будет управлять всеми работами; он приложит все усилия к тому, чтобы хорошо уяснить следствия закона всемирного тяготения» — единственного закона, которому (по указанию бога из «видения» философа) подчинена вселенная [Сен-Симон, 1948, т. 1, стр. 142]. Бог также говорит Сен-Симону в его видении: «Знай, что я посадил Ньютона рядом с собой и что я поручил ему направлять просвещение и повелевать жителями всех планет» [Сен-Симон, 1948, т. 1, стр. 137].

Согласно историософии Сен-Симона, изложенной в его «Очерке науки о человеке» (1813; впервые опубликован в 1859 году), Ньютон и Наполеон явились на историческую сцену как два главных деятеля всемирной революции XVIII века. Первый из них стал двигателем научной революции, позволившим «науке сделать большой шаг вперед», второй же — воплощением революции политической, осуществив пожелания всех просвещенных людей, реформировав монархию [Сен-Симон, 1948, т. 1, стр. 206].

Фигуры Ньютона и Наполеона были особенно близки Раскольникову, прежде всего тем, что они оба были не просто революционерами в своей области, но в полной мере «сделали себя сами». К середине 1860-х годов, когда происходит действие «Преступления и наказания», в России так и не появились ни национальный Наполеон (так как восстание декабристов 1825 года оказалось неудачным), ни свой Ньютон (об этом, в частности, Достоевский писал в записных тетрадях: «Укажут на Ломоносова, а разве Ломоносов не мертворожденное дитя? Что, утвердилась ли наука в России после него? Где Платоны и быстрые разумом Невтоны?» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 21, стр. 269]), и стать кем-то из них мечтали многие честолюбивые студенты и молодые офицеры. Кроме того, и Кеплер, и Ньютон, и Наполеон, и Раскольников в раннем возрасте потеряли своих отцов (отец Ньютона и вовсе умер еще до рождения своего знаменитого сына), что также наложило определенный отпечаток на их душу.

Наполеон I, являвшийся главным ориентиром для Раскольникова («Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 6, стр. 318]), и сам чрезвычайно интересовался фигурой Ньютона. Прочитируем «Историю Наполеона» (1842) П. М. Лоран де л'Ардеша, с которой Достоевский мог быть знаком:

⁷ В редактировавшемся М. В. Буташевичем-Петрашевским вторым выпуске «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кириллова (СПб., 1846) *сен-симонизм* определялся как «неохристианизм» [Петрашевцы, 1926 — 1928, т. 2, стр. 27]. Б. Н. Тихомиров также полагает, что упоминание Раскольниковым имени Ньютона, «возможно, является авторской аллюзией на Ш. Фурье, который в „Теории четырех движений“ также „сравнивал свою роль... с заслугой Ньютона перед человечеством, открывшего закон всемирного тяготения небесных тел. Если Ньютон открыл законы, управляющие физическим миром, то Фурье считал, что он открыл законы, управляющие социальным миром. Больше того, он считал, что решил более важную задачу, чем Ньютон“ (Дворцов А. Шарль Фурье. Его жизнь и учение. М., 1938, стр. 55)» [Тихомиров, 2024, стр. 291].

Первый консул тем ревностнее заботился об успехах просвещения и их поощрении, что сам, в свою молодость, мечтал о знаменитости на ученом поприще, и даже собирался превзойти Ньютона. **«Когда я был молод, — говорил он, — то воображал сделаться изобретателем, Ньютоном».** Жофруа Сент-Илер рассказывает, что Бонапарт раз при нем сказал: «Военная служба стала моим ремеслом; но это случилось не по моей воле, а по стечению обстоятельств». В последние минуты своего пребывания в Каире, услышав слова Монжа: «Никому не сравниться с Ньютоном; открыть можно было только один мир, — другого нет!» Наполеон с жаром возразил: «Что слышу? один мир!.. А что же вы скажете о *мире подробностей*. Думал ли о нем кто-нибудь из вас? А я, я веровал в него с пятнадцатилетнего моего возраста... Кто наблюдал за притяжением и силами наименьших атомов, которые беспрестанно носятся вокруг нас?..» [Лоран де л'Ардеш, 1842, стр. 171].

Примечательно здесь признание Наполеона в стремлении «сделаться Ньютоном», которое перекликается с желанием Раскольникова «сделаться Наполеоном». На острове Святой Елены Наполеон объяснял даже свою веру в Бога, в том числе тем, что верующими были такие авторитетные ученые, как Ньютон: «Мы, строго говоря, верим в существование Бога, поскольку все вокруг нас свидетельствует о нем, и наиболее просвещенные умы верят в Бога: не только Боссюэ, избравший своей профессией веру в Бога, но и Ньютон и Лейбниц, которые занимались совсем другим» [Лас-Каз, 2010, кн. 2, стр. 134].

Раскольникова в Ньюtone могла привлекать и абсолютная вера ученого в могущество ума. Как пишет в очерке «Ньютон. Характеристика» (1856) Н. А. Любимов, один из ближайших соратников М. Н. Каткова и ключевых сотрудников «Русского вестника», в котором впервые был опубликован роман «Преступление и наказание»:

Когда спрашивали Ньютона, каким путем достиг он великих открытий, которые кажутся превышающими силы ума человеческого, то он отвечал, «я все думал об этом», и потом прибавил подробнее: «я носил исследуемый предмет постоянно в уме, обращал его с различных сторон, пока наконец удавалось найти нить, которая приводила меня к ясному представлению». Отвлеченная работа мысли поглощала все существо Ньютона. Его жизнь была последовательную смену ученых размышлений, его развлечения состояли в переходе от занятий трудных к другим более легким. Предаваясь работе мысли, он забывал и сон и пищу; часто утром заставляли его сидящим пред рабочим столом в том же положении, в каком оставили вечером: погруженный в занятия, он и не замечал, как летели часы [Любимов, 1856, стр. 211].

Герой «Преступления и наказания» так же, как Ньютон и Наполеон, ценит в человеке прежде всего ум (об этом см.: [Подосокорский, 2022б, стр. 96 — 99]) и обычно глубоко погружен в собственные мысли, что вызывает порой насмешки окружающих. Показателен в этом смысле его диалог со служанкой Настасьей:

— Дура-то она дура, такая же, как и я, а ты что, **умник**, лежишь как мешок, ничего от тебя не видать? Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?

— Я делаю... — нехотя и сурово проговорил Раскольников.

— Что делаешь?

— Работу...

— Каку работу?

— **Думаю**, — серьезно отвечал он помолчав.

Настасья так и покатила со смеху. Она была из смешливых и, когда расшешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом, до тех пор, что самой тошно уж становилось.

— Денег-то много, что ль, надумал? — смогла она наконец выговорить [Достоевский, 1972 — 1990, т. 21, стр. 26 — 27].

Любимов в упомянутом очерке так поясняет отношение Ньютона к окружающему миру: «Ньютон сам чувствовал свое призвание, понимал всю силу умственного механизма, сокрытого в его голове, и неохотно выходил из пределов уединенного размышления: избегал споров и всего более дорожил внутренним спокойствием, необходимым для свободной работы глубокой мысли. Жизнь для Ньютона была внешним условием, необходимым для того, чтобы могло придти в движение орудие, которое он носил в своей голове» [Любимов, 1856, стр. 212]. Это очень похоже на описание мономана Раскольникова, убежденного, что его воля и мысли способны формировать окружающую реальность.

С Ньютоном Раскольникова роднит и склонность к уединению [Ремюза, 1857, стр. 492], и общая житейская рассеянность, доходящая порой до полного забвения собственных повседневных нужд. Так, про английского ученого писали следующее: «Он жил уединенно, и, как все люди, погруженные в глубокие размышления, был очень рассеян. Порою при вставании с постели, ему приходила какая-нибудь мысль, и он оставался сидя на постели, полуодетый, и в таком положении проводил целые часы. Он забывал обедать, если ему об этом не напоминали. Раз он убедил себя, что уже пообедал, хотя и не думал и чувствовал сильный голод» [Фигье, 1869 — 1873, т. 3, стр. 250 — 251], [Figuiet, 1870, p. 13].

Кроме того, и к Ньютому, и к Наполеону **успех пришел примерно в том же возрасте, в котором Раскольников совершает свое преступление** (герою Достоевского на момент убийства старухи двадцать три года [Достоевский, 1972 — 1990, т. 6, стр. 396]). Как пишет биограф Ньютона М. Уайт:

Год между летом 1665 года и летом 1666 года [Ньютону исполнилось двадцать три года как раз в декабре 1665 года — *Н. П.*] с полным основанием называется *annus mirabilis*, годом чудес для Ньютона. В этот удивительный период он заложил математическую основу своей теории тяготения и сформулировал три закона движения, ставшие фундаментом новой научной дисциплины — механики. Он также развил свои идеи в области оптических явлений, начал создавать свои первые телескопы и разработал дифференциальное и интегральное исчисления и еще один важный математический инструмент — биномиальную формулу, или бином Ньютона [Уайт 2022, стр. 14].

Его дополняет П. Акройд: в этот период Ньютон «стоял на пороге великой революции в человеческом мышлении, которую позже назовут его именем. Ему постепенно начали приоткрываться тайны света и гравитации. Как сам он мимоходом заметил, „в те дни я был в расцвете изобретательского возраста и уделял математике и философии больше умственного внимания, нежели когда-либо после“» [Акройд 2017, стр. 37].

Наполеон же в возрасте Раскольникова был всего-навсего бедным младшим офицером без многообещающих перспектив, который часто нуждался в самом необходимом. Как и Раскольникову⁸, ему пришлось в двадцать три года даже заложить свои часы (это произошло в Париже в 1792 году), чтобы рассчитаться с набранными ранее долгами [Леви, 2006, стр. 24]. Однако уже через год, в возрасте двадцати четырех лет, он отличился при взятии Тулона и в одночасье стал бригадным генералом.

Достоевский в «Преступлении и наказании» за несколько лет до Л. Н. Толстого поставил фигуру Ньютона в центр размышлений об устройстве человечества и смысле истории. Напомним, что в эпилоге «Войны и мира» Толстой пишет: «Если существует хоть одно свободно двигающееся тело, то не существует более законов Кеплера и Ньютона и не существует более никакого

⁸ Раскольников в романе закладывает свои серебряные часы, доставшиеся ему от отца, старухе Алене Ивановне, когда идет делать «пробу» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 6, стр. 9].

представления о движении небесных тел. Если существует один свободный поступок человека, то не существует ни одного исторического закона и никакого представления об исторических событиях» [Толстой, 1935 — 1958, т. 12, стр. 338]. Между тем Ньютон критиковался учеными XVIII — XIX веков (в частности Г. В. Лейбницем и П. С. Лапласом) [Виноградова, 2007, стр. 118 — 119] именно из-за включения им в физическую и астрофизическую картину мира Бога, который, по его мнению, периодически вмешивается как Субъект не только в движения небесных тел, но и в ход человеческой истории, когда видит, что в них берут верх силы разрушения и хаоса. Как замечает Луи Фигье, «рассуждая о явлениях всеобщего тяготения, о многочисленных силах, происходящих от взаимного притяжения планет и их спутников, которые влекут небесные тела во все направления, он [Ньютон] пришел к заключению, что в самой вселенной есть элементы упадка и разрушения, и что Творец должен порою поправлять ее, как часовщик починивает зубчатые колеса часов, которые отказались служить» [Фигье, 1869 — 1873, т. 3, стр. 280], [Figuiet, 1870, р. 40]. И. И. Делакруа также отмечает, что «в метафизике своей, Ньютон выводит гипотезу, что бесконечное пространство, в котором вращаются миры, есть *сенсориум* (чувственное орудие, или чувственное местопребывание) *Творца*» [Делакруа, 1841, стр. 198]. Вездесущность Бога английский ученый при этом понимал буквально: «Никакое сущее, по мысли Ньютона, „не может существовать, не относясь некоторым образом к пространству. Бог пребывает повсюду, сотворенные души где-либо, а тела в том пространстве, которое они занимают”. Бог пребывает везде именно как Творец и Управитель мира, как Lord God of Dominion» [Дмитриев, 1999, стр. 413].

В романе «Преступление и наказание» также можно увидеть действие этого ньютоновского теологического принципа, согласно которому физические и социальные (исторические) законы с одной стороны и свободная воля человека с другой стороны не отменяют действия друг друга при условии Божественного присутствия и вмешательства (о примерах такого вмешательства Бога в судьбу героев романа неоднократно писала Т. А. Касаткина [Касаткина, 2022, стр. 54 — 56]). Именно поэтому, казалось бы, обреченный на духовную гибель убийца и грабитель Раскольников таинственным образом оказывается вовсе не брошен всеми и не предоставлен исключительно собственной смертной участи — на его примере автором показано, как сила божественной всепронимающей и жертвенной любви, противопоставленная силе наполеоновского завоевания мира и насильственного подчинения его воле единого властителя, преобразует всю историю, хотя бы в пределах отдельного произведения и конкретной человеческой личности, подлинное предназначение которой — стать согревающим, а не ослепляющим солнцем для остальных.

Список литературы

- Акройд, 2017 — Акройд П. Ньютон: Биография. Пер. с англ. М., «Альпина Паблишер», 2017.
- Борисова, 2022 — Борисова В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» в контексте Священной истории: Авраам, Христос, Магомет. — «Неизвестный Достоевский», 2022. Т. 9, № 4, стр. 186 — 198.
- Борисова, 2024 — Борисова В. В. Какую разницу в отношении автора и героя к Магомету выявляет микроанализ художественного текста (на примере романа «Преступление и наказание»). — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2024, № 3 (27), стр. 177 — 190.
- Виницкий, 2021 — Виницкий И. Ю. Видение топора. Достоевский и космонавтика. — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2021, № 1 (13), стр. 124 — 152.
- Виноградова, 2007 — Виноградова Т. В. Кросланд М. Научная империя в наполеоновской Франции. Crosland M. A science empire in Napoleonic France. — History of

science. Chalfont, St. Giles, 2006. Vol. 44, Pt. 1. P. 29 — 48. — «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. 2007, № 1, стр. 114 — 126.

Делакруа, 1841 — Делакруа И. И. Капитолий, или Собрание жизнеописаний великих мужей с их портретами. Санкт-Петербург: Тп. Н. Греча, 1841. IV.

Дмитриев, 1999 — Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. СПб., «Алетейя», 1999.

Достоевский, 1972 — 1990 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., «Наука», 1972 — 1990.

Карякин, 1976 — Карякин Ю. Ф. Самообман Раскольникова. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М., «Художественная литература», 1976.

Касаткина, 2022 — Касаткина Т. А. «Преступление и наказание»: как создается глубокий текст. — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2022, № 1 (17), стр. 52 — 62.

Касаткина, 2024 — Касаткина Т. А. «Жирный» и «полный» в «Преступлении и наказании». К апологии Порфирия Петровича. — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2024. № 1 (25), стр. 29 — 44.

Касаткина, 2025 — Касаткина Т. А. О дрожащей твари в «Преступлении и наказании». — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2025, № 1 (29), стр. 28 — 45.

Кирпотин, 1978 — Кирпотин В. Я. Избранные работы: в 3 т. М., «Художественная литература», 1978. Т. 3: Разочарование и крушение Родиона Раскольникова.

Лас Каз, 2010 — Лас-Каз граф. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. Перевод с французского Л. Н. Зайцева; Илл. Н. Шарле, О. Верне и др. фр. худож. первой пол. XIX в. М., «Захаров», 2010.

Леви, 2006 — Леви А. Душевные качества Наполеона. — Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта; Массон Ф. Наполеон I в придворной и домашней жизни. Перевод с французского, послесл. и коммент. В. Е. Климанова. Жуковский; М., «Кучково поле», 2006, стр. 5 — 300.

Лоран де л'Ардеш, 1842 — Лоран де л'Ардеш П. М. История Наполеона. Издание, украшенное 500 рисунками Горация Вернета. СПб., Издание В. Семенов-Крамаревского и А. Красовского, 1842.

Любимов, 1856 — Любимов Н. А. Ньютон. Характеристика. — «Русский вестник», 1856. Т. V. Сентябрь. Кн. II, стр. 209 — 242.

Меерсон, 2022 — Меерсон О. А. Преступление и наказание в «Войне и мире». Этиология заблуждения наполеоновской идеей убийства во благо от потомков к предкам. — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2022, № 1 (17), стр. 143 — 157.

Мельник, 1985 — Мельник В. И. К теме: Раскольников и Наполеон. — Достоевский: Материалы и исследования. Л., «Наука», 1985. Т. 6, стр. 230 — 231.

Петрашевы, 1926 — 1928 — Петрашевы: сборник материалов. Т. 1 — 3. Ред. П. Е. Щеголев. М.; Л., «Государственное издательство», 1926 — 1928.

Писарев, 2000 — 2013 — Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. М., «Наука», 2000 — 2013.

Подосокорский, 2007 — Подосокорский Н. Н. Об аналогии «Наполеон — Магомет» в романе «Преступление и наказание». — Достоевский и современность: Материалы XXI Международных Старорусских чтений 2006 года, Великий Новгород, 21 — 25 мая 2006 года. Отв. ред. В. В. Дудкин. Сост. Н. Д. Шмелева. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2007, стр. 234 — 244.

Подосокорский, 2022а — Подосокорский Н. Н. «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2022, № 4 (20), стр. 71 — 135.

Подосокорский, 2022б — Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона. — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2022, № 2 (18), стр. 89 — 143.

Подосокорский, 2023 — Подосокорский Н. Н. Наполеон-Солнце в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», 2023, № 2 (22), стр. 57 — 105.

Подосокорский, 2024 — Подосокорский Н. Н. От Ликурга до Наполеона: великие законодатели человечества в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 7: Литературоведение, 2024, № 2, стр. 153 — 174.

Ремюза, 1857 — Ремюза П. Ньютон, его жизнь, сочинения и открытия. Статья первая. — Отечественные записки. 1857. Т. СХI. Отд. I, стр. 489 — 528.

Романова, 2024 — Романова Г. И. Словесный образ и смысл (теория Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского). — «Русская словесность», 2024, № 3, стр. 51 — 56.

Тихомиров, 1992 — Тихомиров Б. Н. К вопросу о «прототипах образа идеи» в романах Достоевского. — Достоевский: материалы и исследования. СПб., «Наука», 1992. Т. 10, стр. 42 — 55.

Тихомиров, 2024 — Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., «Серебряный век», 2024.

Толстой, 1935 — 1958 — Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., «Художественная литература», 1935 — 1958.

Уайт, 2022 — Уайт М. Беседы с Исааком Ньютоном. Предисл. Б. Брайсона; перевод с английского К. Льоренте. М., «КоЛибри», «Азбука-Аттикус», 2022.

Фигье, 1869 — 1873 — Фигье Л. Светила науки от древности до наших дней. Жизнеописание знаменитых ученых и краткая оценка их трудов. Т. 1 — 3. Перевод с французского под ред. Д. Аверкиева. Санкт-Петербург; Москва, Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1869 — 1873.

Чернышевский, 1939 — 1953 — Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 16 т. М., «Художественная литература», 1939 — 1953.

Чирков, 1967 — Чирков Н. М. О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы. М., «Наука», 1967.

Шереметева, 1998 — Шереметева О. Г. Надписи и отметки на книгах библиотеки Чаадаева. — П. Я. Чаадаев: pro et contra. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. Сост. А. А. Ермичев, А. А. Златопольская. СПб., Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1998, стр. 43 — 63.

Шлоссер, 1868 — 1877 — Шлоссер Ф. К. Всемирная история: в 8 т. 2-е изд. СПб.; М. Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1868 — 1877.

Balzac, 1822 — Balzac H. de. Le Centenaire ou Les deux Béringhameld. Vol. I — II. Paris: Pollet, Libraire-Éditeur, 1822.

Figuiet, 1870 — Figuiet L. Vies des savants illustres du XVIIIe siècle. Paris: Librairie internationale, 1870.